

А.Д. Жакупова^{1*}, Ж.Т. Балмагамбетова²¹Кокшетауский университет имени Ш.Ш. Уалиханова, Кокшетау, Казахстан;²Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail: aygul.zhakupova@yandex.kz, janna1965@rambler.ru)**Мотивационная рефлексия — объект сопоставительной мотивологии**

Статья посвящена исследованию лингвоментального феномена мотивационной рефлексии как объекта сопоставительной мотивологии — науки, изучающей лексическое явление мотивации слов на основе данных показаний метаязыкового сознания носителей разных языков. Мотивационная рефлексия рассматривается как один из видов «мыслительной операции», реализующей способность сознания человека к осмыслению связи звучания и значения слова с целью создания целостного представления о предмете. В работе дана краткая история вопроса, представлено авторское понимание данного феномена, описаны методы исследования. В качестве результатов исследования представлен фрагмент сопоставительно-мотивологического анализа мотивационной рефлексии носителей тюркских и славянских языков в аспекте стратегий осмысления, эксплицирующих множественность мотивации (полимотивацию). Выявлены общность и специфика стратегий осмысления наименований растений и птиц носителями разноструктурных языков, определены особенности их мотивационной рефлексии. На основе исследования авторы заключают, что мотивационная рефлексия — это универсальное свойство метаязыкового мышления человека, обуславливающее направленность его сознания на объяснимость связи между звучанием и значением, которое целесообразно рассматривать как объект сопоставительной мотивологии.

Ключевые слова: мотивационная рефлексия, метаязыковое сознание, сопоставительная мотивология, психолингвистический эксперимент, полимотивация, тюркские и славянские языки.

Введение

В последние годы все чаще признается идея изучения фактов осмысленного отношения говорящего к своему языку в качестве самостоятельного объекта изучения. Перспективным направлением в области изучения языковой (метаязыковой) рефлексии может стать исследование метаречевой деятельности носителей разных языков. Одна из таких попыток предпринимается в сопоставительно-мотивологическом исследовании, направленном на описание природы универсального и национально-специфического в языке через природу «мыслительных операций» (по Б.де Куртенэ), свойственных человеческому сознанию. К одной из таких «мыслительных операций» относится *мотивационная рефлексия (МР)* — способность к осознанию рациональной взаимообусловленности звучания и значения, составляющей суть мотивированности языкового знака.

История вопроса. Проблема языковой рефлексии в имплицитном виде предстает в работах психолингвистов, исследующих феномен языкового сознания в аспекте общей проблемы «язык и мышление» [1–4]. Сознание ими рассматривается как одна из форм мышления, фиксированное знание, «рефлексия субъектом действительности, своей деятельности, самого себя» [5; 13]. В 70-е годы прошлого столетия теория языковой рефлексии все чаще связывается с изучением способов управления речевого воздействия и лишь поверхностно затрагивается учеными-психолингвистами. При всем многообразии терминообозначений языковой рефлексии как лингвоментального феномена («*интуитивные суждения о языке*» [6; 96–181]; «*народная точка зрения*» [7; 34–42]; «*метаязыковые знания*» [3]; «*языковое самосознание*» [8]; «*языковая компетенция*» [9; 164–174]; «*оценки речи*» [10]) наиболее близким к его содержанию является понятие «метаязыковое сознание», рассматриваемое как «компонент языкового сознания, манифестирующий рациональное понимание языка и его интерпретацию» [11; 54].

Отметим трех авторов, стоящих у истоков современной разработки теории языковой рефлексии. Введение в научный обиход термина «языковая рефлексия» принадлежит Б.М. Гаспарову, поставившему цель описания языка как среды существования человека через языковое поведение и интуицию говорящего [12]. По мнению автора, «интуитивное движение языкового опыта неотделимо от языко-

* Автор-корреспондент. E-mail: aygul.zhakupova@yandex.kz

вой рефлексии; говорящий все время что-то «узнает» о языке, все время что-то в нем постигает, находит или придумывает» [12; 18]. Языковая рефлексия обостряется в ходе метаязыковой деятельности, понимаемой автором как «различного рода рассуждения о языке...» [12; 18].

Роли рефлексии в речемыслительной деятельности и в устройстве языка посвящена монография Н.К. Рябцевой «Язык и естественный интеллект» [13], в которой рассматривается роль языковой рефлексии в процессе коммуникации. Автор считает, что языковая рефлексия способна мгновенно предоставлять любую информацию на подсознательном уровне, а также в процессе обучения иностранному языку, так как пользование собственной языковой рефлексией помогает понять «метасмысл» (намерения собеседника) общения.

Коммуникативный и концептуальный аспекты теории языковой рефлексии описаны в монографии И.Т. Вепревой «Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху», посвященной исследованию рефлексивов — «маркеров когнитивно-речевого взаимодействия» как основных единиц метаязыкового дискурса. Понимая рефлексив как особый речемыслительный механизм, вербальной формой которого является рефлексив, автор показывает возможности аспектной интерпретации метаязыковых высказываний [11].

Можно констатировать, что теоретические основы языковой рефлексии как лингво-ментального феномена закладываются с 1995 по 2005 гг. и в настоящее время все чаще оказываются в центре внимания ученых различных лингвистических дисциплин. Однако следует заметить, что практический опыт непосредственного обращения к фактам языкового осмысления говорящих был осуществлен намного раньше с той лишь разницей, что ученые не использовали специальных терминов или же иначе их обозначали.

Рефлексию над языком, осуществляемую в ходе метаречевой деятельности, нацеленной на «вербальную интерпретацию субъектом языковой реальности», детально исследует А.Н. Ростова на материале народных сибирских говоров [14]. Автор использует термин «метаязыковая рефлексия», наиболее точно отражающий специфику исследования, источником которого являются показания метаязыкового сознания информантов-носителей диалектного языка, собранные в ходе психолингвистического эксперимента.

Мотивологическая концепция изучения слова, разрабатываемая в русле антропоцентрической парадигмы учеными томской лингвистической школы, целиком и полностью строится на привлечении языковых данных — свидетельств информантов-носителей языка. Мотивология — это «наука о том, как отражается в языке человек и Вселенная и как язык осознается человеком («язык глазами человека»), это наука, которая развивается в тандеме ученого и рядового носителя языка» [15; 3]. Все исследования, проводимые в русле мотивологии, апеллируют к метаязыковому сознанию говорящего — основному источнику изучения лексического явления мотивации слов.

Знания говорящего о языке, обыденные представления о слове связаны, прежде всего, с рефлексивной сущностью сознания, стремящегося соотнести знания о языке со знанием языка и знанием о мире. Формируя представление о предмете действительности, носитель языка обращается, в первую очередь, к языковому выражению словесного знака и, рефлексивуя по поводу внутренней формы слова (ВФС), пытается связать его со значением, смыслом. Весь этот процесс механистически представлен в виде «мыслительной операции», реализующей способность сознания человека к осмыслению связи звучания и значения слова с целью создания целостного представления о предмете. Такая способность сознания говорящего и есть МР.

Феномен МР как особой формы метаязыкового мышления недостаточно разработан в лингвистике. Первый опыт комплексного описания МР и ее разновидностей принадлежит Т.А. Гридиной, разработавшей лингвокогнитивный и функциональный аспекты МР применительно к детской речи [16]. МР понимается автором как функционально значимая стратегия усвоения языка в онтогенезе, суть которой состоит в «обращении ребенка к мотивационному коду интерпретации вербальных единиц» [Там же].

Проблема рефлексивной деятельности человека (способность говорящего интерпретировать языковые факты) активно разрабатывается в рамках сопоставительной мотивологии [17]. Поскольку мотивация рассматривается современной лингвистикой как сложное психолингвистическое явление — один из способов познания и восприятия окружающего мира, а мотивированность/немотивированность лексических единиц определяется только в результате осознания рациональности связи звучания и значения слова, основанного на ассоциации с другими лексическими единицами, то изучение явления мотивации слов невозможно без анализа МР говорящих.

Материалом настоящего исследования послужили мотивированные, полумотивированные и немотивированные слова русского, болгарского, польского, казахского и татарского языков, «пропущенные» через метаязыковое сознание (МЯС) их носителей путём проведения психолингвистического эксперимента. В качестве *материала* исследования избраны тематические группы наименований птиц и растений как наилучшим образом организованные группы слов, входящие в состав мотивационной системы того или иного языка и участвующие в формировании картины мира его носителей. К исследованию было привлечено около 300 наименований растений и 300 наименований птиц в каждом языке. Опрошено порядка 500 носителей каждого из сопоставляемых языков. В целом, получено 30000 показаний МЯС носителей языков (примерно 100 ответных реакций на каждое слово), проанализировано около 3000 лексических единиц.

Методы и приёмы исследования. Основными методами сопоставительно-мотивологического исследования МР являются описательный, психолингвистический и сопоставительный методы. В рамках описательного метода применяются общенаучные приемы непосредственного наблюдения, систематизации, интроспекции, интерпретации, классификации, статистической обработки данных. При описании МР говорящих на разных языках людей используется психолингвистический метод, суть которого состоит в том, что исследование плана содержания и выражения языка необходимо проводить, предварительно обработав и проанализировав те языковые факты, которые получены от информантов, носителей языка в результате специально организованных экспериментов. Ведущим приемом данного метода является прием психолингвистического эксперимента, ориентированный на выявление осознания лексической семантики носителями языка. Межъязыковое сопоставление, устанавливающее общность и различие МР носителей разных языков и культур, а также универсальные и специфические особенности лексического явления мотивации слов в разных языках проводится с привлечением сопоставительного метода, сущность которого заключается в сравнении языков независимо от степени их родства с целью выявления сходств и различий между ними. При определении степени эквивалентности сопоставляемых лексических единиц использовался прием словарной идентификации. Все методы и приёмы сопоставительной мотивологии опираются на ряд общих для сопоставительной лингвистики принципов: системности, сравнимости, сводимости лингвистических описаний, терминологической адекватности, территориальной неограниченности и др. [18, 19]. Все это гарантирует глубину и объективность проводимого исследования.

Результаты и их обсуждение

Прежде чем представить результаты сопоставительно-мотивологического исследования МР говорящих на разных языках людей, важно показать логику мотивологического анализа каждой лексической единицы с учетом показаний МЯС.

Согласно мотивологической концепции, мотивированной признается лексическая единица, внутренняя форма (ВФ) которой подверглась рефлексии носителя языка, способного осознать рационально-логическую связь ее значения и звучания. Так, носители русского языка при осознании хорошо известного им слова **синица** дают следующие показания: «птица с синими крыльшками», «птица, у которой что-то синего цвета», «птица, голос которой похож на «синь-синь»». Такие показания дают возможность мотивологу дать многоаспектную характеристику слова: 1) слово является мотивированным (лексически и структурно), так как, с одной стороны, соотносится с ЛЕ, имеющими тот же корень (СИНица — синий; «синь-синь»), что и обеспечивает им семантическую общность, с другой стороны, обнаруживает связь с одноструктурными образованиями типа горЛИЦА, пигалиИЦА (класс птиц), что подтверждает их структурную соотносительность; 2) ВФС имеет вариантный характер, то есть по-разному осознается носителями языка за счет соотнесения его с разными фрагментами внеязыковой действительности (окраска, голос), в результате чего слово имеет 3 ВФ и характеризуется множественностью мотивации (полимотивация). В приведенном примере одна из ВФ является лексикализованной, поскольку носители языка при осмыслении слова актуализировали в своем сознании сегмент *син-*, однако соотнести его со значимым компонентом данного слова затруднились («что-то синего цвета»). В сознании некоторых носителей языка актуальным оказался сегмент *син-*, связываемый с комплексом звуков, по мнению информантов, напоминающим звуки, издаваемые этой птицей. Безусловно, данный звукокомплекс не является адекватным отражением голоса птицы, поэтому информанты используют в своем объяснении лексему «похож», что позволяет связывать слова *синица* и «синь-синь» на основании сходства — основного параметра метафорической ВФС.

Показания информантов — метавысказывания — являются единственным источником анализа МР. Собственно мотивологический анализ лексических единиц на материале сопоставляемых языков предоставляет нам материал для сопоставительного анализа МР. В настоящей статье представим фрагмент сопоставительно-мотивологического анализа МР носителей тюркских и славянских языков в аспекте стратегий осмысления, эксплицирующих множественность мотивации (полимотивацию).

Одним из типов актуализации мотивационных связей является альтернативный тип метавысказывания, эксплицирующий альтернативное (множественное) прочтение ВФС (метавысказывания содержат разные варианты прочтения внутренней формы слова, обусловленные множеством ассоциаций, возникающих в МЯС говорящего): РЯ* *пухляк* — «пышная, пухлая птица» (40), «у неё пушистые перья» (27), «у неё перья как пух» (19), «питается пухом» (14); БЯ *буревестник* — «птица, която предвещава бурята» (45) / «птица, которая предвещает бурю», «носи предвестие за буря» (18) / «носит весть о буре», «лети и се стрелва бързо, както изведнъж се появява бурята, навещава като буря» (10) / «летит стрелой быстро, когда неожиданно появляется буря, как бы навещает её», «появява се преди бури» (6) / «появляется перед бурей»; ПЯ *ślonka* — «od słoncy» (35) / «от солёный», «lata w słoneczne dni» (21) / «летает в солнечные дни», «słońce» (13) / «от солнце»; КЯ *шыргалақ* — «шырылдайды» (45) / «пищит», «мүмкін, ағаштарға шыргалап шығатындықтан» (20) / «может, от того что, кружась, взбирается на дерево»; ТЯ *чебенче* — «чебен ашаганга» (45) / «потому, что питается мухами», «чебенгә охшаганга» (30) / «из-за того, что похожа на муху», «чебеннәр аулый торган кош» (20), «птица, которая ловит мух», «бәлки чебен ашагангадыр, яки тавышы муңа охшагандыр» (15) / «может быть, питается мухами или голос похож на них». Количество таких метатекстов зафиксировано в языках славянской группы немного меньше, чем в языках тюркской группы (в РЯ — 63 %; в БЯ — 65; в ПЯ — 60; в КЯ — 75; в ТЯ — 72 %).

Результаты мотивационно-сопоставительного анализа метавысказываний позволяют заметить, что носители языка интерпретируют одно и то же наименование по-разному, в результате чего выделяется несколько стратегий осмысления, эксплицирующих множественность мотивации:

1. *Полимотивация гомогенного*[†] *типа* характерна для мотивирующих суждений, в которых осознание слова осуществляется посредством актуализации одного лексического мотиватора. Иными словами, все или большинство носителей языка акцентируют внимание на корневом сегменте слова (общность лексического мотиватора), однако объяснение его варьируется в зависимости от того, что говорящие по-разному «видят» одну и ту же прототипическую ситуацию (варьирование предикатного компонента (ПК)). В терминах теории мотивации это звучит так: варьирование внутренней формы слова происходит за счет варьирования мотивационного значения (МЗ) при неизменности мотивационной формы (МФ). Например, все носители РЯ выделяют в наименовании птицы *зарянка* сегмент ЗАРЯ-, однако трактуют данное наименование по-разному: «появляется на заре» (65), «цвета зари» (20), «розовая, как заря» (15). Слово ЗАРЯ ассоциируется в сознании говорящих с «цветом» и «временем», поэтому границы возможностей индивидуального осмысления очерчены смысловым содержанием лексического мотиватора. В данном случае лексический мотиватор является общим для информантов, отличие же (варьирование) наблюдается в ПК: «появляется на...», «цвета ...», «розовая, как ...», причем два последних ПК совпадают по своему значению.

При восприятии наименования растения *здравец* в сознании большинства носителей БЯ возникают мотивационно-ассоциативные связи со словом ЗДРАВЕ (здоровье), при этом зафиксировано 4 способа объяснения его значения: 1) «растение, което поддържа човека здраве» (48) / «растение, которое поддерживает здоровье человека», 2) «по-древни традиции и подарени за здраве» (29) / «по древней традиции дарят на здоровье», 3) «растението е туфа от листа, които съдържат етерични масла и се засажда около къщите или в стаите по прозорците заради аромата, който неутрализира вирусите, т.е. за здраве» (17) / «растение названо за листья, которые содержат эфирное масло и садят около дома или в комнате на окне из-за аромата, который нейтрализует вирус, то есть на здоровье», 4) «символ за здраве» (6) / «символ здоровья». Можно предположить, что множественность суждений относительно слова *здравец* объясняется и полифункциональностью данного растения, и широкой распространенностью его на территории Болгарии, что обеспечивает широкий спектр знаний о нем у носителей БЯ, которые, в свою очередь, ограничены смысловым содержанием лексического

* В статье используются следующие сокращения: РЯ – русский язык; КЯ – казахский язык; БЯ – болгарский язык; ПЯ – польский язык; ТЯ – татарский язык

† Термины «гомогенный», «гетерогенный» были предложены П.А. Катяшевым для описания полимотивации в когнитивном аспекте [20], затем использованы И.Е. Козловой для типологии мотивационных парадигм [21].

мотиватора (*здраве*) — растение выполняет целительскую функцию и его можно использовать для поддержания здоровья человека.

2. *Полимотивация гетерогенного типа* характерна для мотивирующих суждений, в которых осознание слова осуществляется посредством актуализации разных (двух и более) лексических мотиваторов. В сознании носителей языков при восприятии одного и того же слова устанавливаются различные мотивационно-ассоциативные связи, обусловленные разными факторами.

2.1 Стратегия осмысления осуществляется путем установления связи исходного слова с одно-корневыми словами разных частей речи, созвучных с ним, либо с разными формами исходного слова. Носители языка сегментируют слово одинаково, но соотносят его либо с существительным, либо с прилагательным, либо с глаголом, либо с междометием, либо с существительными с предлогом. При этом мотивационная форма остается неизменной, мотивационное значение видоизменяется.

Границы возможностей индивидуального осмысления очерчены лексико-грамматическими особенностями того или иного языка. Так, в РЯ *гора* и *горный* — два разных слова, имеющих различное лексическое значение и грамматическую оформленность. В КЯ и ТЯ эти два слова обозначены одной лексемой *тау*. Часть носителей ТЯ интерпретируют наименование птицы *таушыпчыгы* через соотношение его с существительным: «*тау, биек жирларда яшауче кош*» (65) / «птица, обитающая в горах, высоких местах», «*оясын тауларда кора торган кош*» (13) / «птица, вьющая гнездо в горах», а часть — с прилагательным: «*тау куышлыгында яшаганга күрә*» (22) / «из-за того, что обитает в горных ущельях».

Показания МЯС носителей ПЯ свидетельствуют о том, что при восприятии наименования растения *złocień* возникают разные мотивационно-ассоциативные связи, однако все они близки по содержанию, так как связаны с описанием цвета растения: «*kwiaty mają złoty kolor*» (45) / «цветы имеют золотой цвет», «*złocisty kolor*» (35) / «золотистый цвет», «*kolor złota*» (20) / «цвет золота». Отсюда возникает гетерогенная мотивационная парадигма: лексические мотиваторы разные, однако все они находятся в смысловой и словопроизводственной связи. Все носители ПЯ акцентируют внимание на цвете растения, однако истолковывают значение по-разному.

Анализ метавысказываний, иллюстрирующих полимотивацию гетерогенного типа, основанную на смысловой и словопроизводственной связи слов, позволил заметить, что данный тип полимотивации преимущественно наблюдается в славянской группе языков, для тюркской группы он характерен в гораздо меньшей степени, особенно для ТГ наименований растений.

2.2 Стратегия осмысления обусловлена варьированием ВФ, вызванным мотивацией слова языковыми единицами, не находящимися в смысловой и в синхронной словопроизводственной связи. Например, наименование птицы *коростель* в сознании одних носителей РЯ связывается со словом 'кора' («*питается корой деревьев*») — МФ: КОРОСТЕЛЬ, МЗ: 'птица, <питающаяся> корой', в сознании других — со словом 'короста' («*ест коросту*») — МФ: КОРОСТ/ЕЛЬ, МЗ: 'птица, <питающаяся> коростой'.

При осмыслении ВФС носители языка устанавливают связь исходного слова с созвучными языковыми единицами, существующими в их ментальном лексиконе, и объясняют значение его с учетом собственных знаний о мире и о данной реалии, в частности. Причем чем шире семантический потенциал сегмента, тем богаче ассоциативный комплекс и тем обширнее полимотивация слова. К примеру, птица *қасқалдақ*, по мнению одних носителей КЯ, так названа потому, что у нее белый лоб («*маңдайы қасқа құс*» / «птица с белым лбом»), по мнению других, она отличается белым пятном, напоминающим брови («*жүнінде қас тәрізді дақтары бар*» / «на оперении белое пятно, как брови»). ЛМ: *қасқа* — с белым лбом, *қас* — бровь. Носители ТЯ при осмыслении орнитонима *кашкалак* объясняют его, вычленив сегменты *кашка* (белая отметина на лбу, звездочка), *каш* (бровь), *калак* (ложка), отсюда и следующие мотивирующие суждения: «*башында ак таплы чыпчык*» / «птица с белым пятном на голове», «*бу чыпчыкның маңгаеда, йолдыз бар кебек*» / «у птицы на лбу, как будто звездочка», «*мәмкин, бу чыпчыкның кашы күп күренеп тора?*» / «может, у этой птицы сильно выделяются брови?», «*аның нәрсәседер кашыкка охшаган*» / «что-то у неё похоже на ложку». Полимотивация подобного типа чаще наблюдается при осмыслении ТГ наименований птиц. Это связано с тем, что птицы обладают голосом и информанты при объяснении наименований птиц часто устанавливают связь исходного слова со звуками, издаваемыми птицей. Даже если в реальности носители языка не слышали голос птицы, они предполагают, высказывают свое мнение, которое, на их взгляд, кажется вполне достоверным. Чаще этот факт характерен для МР носителей тюркских языков: КЯ *шыбыш* — «*әрқашан шыбын сияқты шырылдайды*» / «всегда жужжат (пищат), как мухи», «*шыбыш*»,

«шыбықтан шыбыққа ұшып жүретін құс/«птица, перелетающая с прутика на прут». ЛМ: шыбын — муха, «шыб-шық», шыбық — прутик; **көкек** — «дыбыс «кө-кек» шығаруына байланысты»/ «есть легенда, и связано с издаваемыми звуками «кө-кек»», көктем айында ұшып келетін құс» /«прилетающая весной», «көктемді шақыратын құс»/ «птица, зовущая весну», «өйткені ол көк түсті»/ «потому что она голубого цвета», «көкек айында жұмыртқалайды» / «несет яйца в апреле», «көкек айынан бастап сайрайды»/ «поет, начиная с апреля». ЛМ: «кө-кек», көктем — весна, көк — голубой, көкек — апрель. ТЯ **чүрәкәй** — «гел «чүр-чүр» килеп аваз чыгарганга» /«потому, что всегда прилетает и издаёт звуки «чүр-чүр»», «чүрә сүзе кол дигәнне аңлата, бәлки шуңа бәйләдер»/ слово *чүрә* означает рабыня, может, связано как-то с этим». ЛМ: «чүр-чүр», *чүрә* — рабыня, служанка; **бытбылдык** — «бер туктамый бытбылдаганга, кычкырганга»/ «из-за того, что, не умолкая, болтает, кричит», «бер туктамыйча тавыш чыгара «быт-был»»/ «издает звуки, похожие на «быт-был», не умолкая». ЛМ: *бытбылдау* — болтать, «быт-был». К этой же группе относятся следующие мотивированные ЛЕ: **тартар, гага, тургай, күркә** и др. Наличие подобных мотивирующих суждений в КЯ и ТЯ, по-видимому, можно объяснить особенностью восприятия их носителями языков. Представителей тюркской группы языков отличает мелодичность, музыкальность в восприятии явлений языковой действительности, в том числе и мира пернатых.

2.3 Стратегия осмысления говорящими языковых единиц во многом зависит от структуры слова. Если слово является сложным по составу, т.е. образовано из двух слов, то носители языка интерпретируют его, исходя из значения либо одного, либо другого слова в зависимости от индивидуального восприятия мотивированной лексемы. Индивидуальное восприятие зависит, в свою очередь, от того, какой признак оказывается более значимым, существенным, по мнению респондента, на момент высказывания. В славянской группе языков сложных по образованию наименований птиц и растений значительно меньше, чем в тюркской группе, отсюда и количественное различие примеров множественной мотивации, обусловленной выбором говорящим при объяснении значения слова. Внимание носителей языков может быть акцентировано на обеих частях сложного слова одновременно, либо на какой-либо одной его части.

2.4 Отдельную группу составляют полимотивированные лексические единицы, стратегия осмысления которых обусловлена явлением омонимии (полисемии), присутствующее во всех сопоставляемых языках. В зависимости от того, какое из значений выделенного сегмента актуально для МЯС говорящего в данной ситуации, и возникают мотивационно-ассоциативные связи. Наибольшее количество слов с множественной мотивацией, обусловленных полисемией, встречается в тюркской группе языков, в славянской языковой группе эти случаи единичны. Так, в РЯ зафиксировано 1 слово, принадлежащее к этой группе: **жабник** 1) ЛМ: *жаба* (лягушка) — «им питаются жабы», «растёт там, где водятся жабы»; 2) ЛМ: *жаба* (грудная) — «может, им лечат жабу грудную)?». В БЯ наименование птицы **завирушка** носители языка интерпретируют, исходя: 1) из значения лексического мотиватора *завирам* ‘засовывать, запихивать, втыкать’ («птица, която нещо винаги завира (пъха, крие)» /«птица, которая что-то всегда засовывает»); 2) из значения лексического мотиватора *завирам* ‘забираться куда-либо, вмешиваться’ («може би тази птица често се завира (пъха) някъде?»/ «может, эта птица часто забирается куда-нибудь?»)

Носители ПЯ при осмыслении наименования птицы **puszczyk** ориентируются на: 1) значение слова *puszcza* ‘пуща, дремучий’ — «ptak gnieźdzący się w gęstym lesie»/«птица, которая обитает в дремучем лесу»; 2) значение слова *puszcza* ‘пустыня’ — «ptak, który zamieszkuje pustynie»/ «птица, которая обитает в пустыне».

В КЯ слово **бұлдыр** имеет несколько значений: 1) дымка, туман; 2) неясный, невидимый; 3) туманный, мутный. Отсюда и следующие мотивирующие суждения: **бұлдырық** — «бұлдырап ұшатындықтан» /«когда летает, неясная (невидимая), как мираж», «сұр құс бұлдыр сияқты» /«серая птица, как туман, дымка», «бұлдырақтап дауыс шығаратын шығар»/ «наверное, издает туманные звуки», «түсі бұлдыр» / «мутного цвета». Как видно из показаний МЯС информантов, разноаспектность осмысления влечет за собой и многообразие образов птиц: в сознании одних носителей языка образ этой птицы связан с ее особым полетом, в сознании других — с особенностями окраски, в сознании третьих — со спецификой голоса.

Носители ТЯ при осмыслении наименования птицы **күктүш** соотносят его со словами либо 1) *күк* — синий, *түш* — грудка, либо 2) *күк* — небо, *түш* — грудка. Отсюда и показания МЯС: «түше күк улганга»/«грудка синего цвета», «күк кебек зәңгәр түше чыпчык»/ «птица с грудкой голубого, как небо, цвета».

Итак, анализ метавысказываний позволил заключить, что при толковании мотивированного слова происходит «развертывание» пропозиции (ср. в словообразовании — «свертывание» пропозиции), predetermined способами мышления о мире. Одним из доказательств данного тезиса является полимотивация, связанная с варьированием ВФС и множественностью суждений говорящих. Полимотивированная лексика характерна для всех сопоставляемых языков, однако количественное соотношение ее различно.

Заключение

МР носителей славянских и тюркских языков характеризуется общностью. Метавысказывания, содержащие толкование значений слов, демонстрируют тенденцию к выражению конкретного смысла, то есть слово интерпретируется через конкретные наглядные признаки, хорошо известные говорящему, включенные в его ближайший мир. Информант стремится истолковать слово, даже если он ранее с ним не сталкивался, через понятное для него, известное значение, поэтому иногда метавысказывание носит парадоксальный характер. Все мотивирующие суждения основаны на тенденции к ассоциированию: чем богаче личный практический опыт говорящего, тем шире спектр ассоциаций. Общим для МР носителей славянских и тюркских языков является то, что при объяснении слов они подходят с позиции функциональной (практической) значимости предмета, то есть главным ценностным ориентиром является максимальное вовлечение предметов в сферу жизнедеятельности человека.

Специфика явления полимотивации в славянской и тюркской языковых группах заключается в том, что в процессе толкования слова носители славянских языков воспринимают предмет в его целостности, в совокупности всех присущих ему признаков, а для МР носителей тюркских языков характерна расчлененность, иконичность именуемого предмета, отсюда и различие в характере ВФС: в славянских языках чаще встречаются две ВФ у одного слова, в тюркских языках обращает на себя внимание наличие трех и даже четырех ВФ у одного слова.

Опыт сопоставительно-мотивологических исследований, проведенных на материале, собранном в ходе психолингвистического эксперимента с носителями разных языков на предмет осмысления ими языковых единиц и возможности их интерпретации, показал, что МР — это универсальное свойство метаязыкового мышления человека, обуславливающее направленность его сознания на соотношение плана выражения и плана содержания языковых единиц, на объяснимость связи между звучанием и значением.

МР как лингво-ментальный феномен участвует не только в становлении языковой способности и проявлении языкового сознания ребенка, она способствует выявлению знаний говорящего о своем языке и о мире, играет ведущую роль в формировании национальных языковых картин мира, участвует в процессе миромоделирования и категоризации действительности языковым сознанием, оказывает влияние на ориентирование человека в системе языковых и неязыковых фактов, тем самым подтверждая тезис о гносеологической природе языка. Сопоставительно-мотивологическое исследование МР будет способствовать решению вопросов национальной специфики лексического явления мотивации слов, формированию целостной концепции сопоставительной мотивологии, тем самым внося значимый вклад в развитие теоретических основ науки мотивологии.

Список литературы

- 1 Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. — 3-е изд. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. — 584 с.
- 2 Залевская А.А. Значение слова и возможности его описания / А.А. Залевская // Языковое сознание: формирование и функционирование. — М., 1998. — С. 35–54.
- 3 Ейгер Г.В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания / Г.В. Ейгер. — Харьков, 1990. — 163 с.
- 4 Фесенко Т.А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: спец. 10.02.19 — «Теория языка» / Тамара Александровна Фесенко. — М., 1999. — 52 с.
- 5 Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. — М., 1975. — 121 с.
- 6 Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте / У. Лабов // Новое в лингвистике. — Вып. 7. Социолингвистика. — М., 1975. — С. 155, 156.
- 7 Брайт У. Параметры социолингвистики [Введение] / У. Брайт // Новое в лингвистике. — Вып. 7. Социолингвистика. — М., 1975. — С. 145–154.
- 8 Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре / С.Е. Никитина // Язык и личность. — М.: Наука, 1989. — С. 34–40.

- 9 Кирпикова Л.В. Использование фактов языковой компетентности носителей говора в лексикологическом исследовании / Л.В. Кирпикова // Лексикологические и грамматические проблемы сибирской диалектологии: Докл. и сообщ. межвуз. семинара. — Барнаул, 1972. — С. 64–72.
- 10 Шварцкопф Б.С. Оценки говорящими фактов речи: автореф. ... дис. канд. филол. наук: спец. 10.02.01 — «Русский язык» / Борис Самойлович Шварцкопф — М., 1971. — 21 с.
- 11 Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И.Т. Вепрева. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. — 384 с.
- 12 Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. — М.: Новое литературное обозрение, 1996. — 352 с.
- 13 Рябцева Н.К. Коммуникативный модус и метаречь / Н.К. Рябцева // Логический анализ языка: Язык речевых действий. — М., 1994. — С. 82–92.
- 14 Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале говоров Сибири) / А.Н. Ростова. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. — 193 с.
- 15 Блинова О.И. Мотивология и её аспекты (2-е изд., стереотип.) / О.И. Блинова. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. — 390 с.
- 16 Гридина Т.А. Мотивационная рефлексия как вид метаязыковой деятельности ребенка [Электронный ресурс] / Т.А. Гридина // Институт лингвистических исследований РАН. — СПб., 2002. — Режим доступа: <http://www.iling.spb.ru/grammatikon/child/grid.html? language=en>
- 17 Юрина Е.А. Развитие идей О.И. Блиновой в лингвистических концепциях образного строя языка и сопоставительной мотивологии / Е.А. Юрина, А.Д. Жакупова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. — 2020. — № 68. — С. 170–193.
- 18 Сулейменова Э.Д. Казахский и русский языки: основы контрастивной лингвистики / Э.Д. Сулейменова. — Алматы: Демур, 1996. — 208 с.
- 19 Юсупов У.К. Сопоставительная лингвистика как самостоятельная дисциплина / У.К. Юсупов // Методы сопоставительного изучения языков. — М., 1988. — С. 6–11.
- 20 Катышев П.А. Полимотивация как концептуальная деятельность: дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.19 — «Теория языка» / Павел Алексеевич Катышев. — Кемерово, 1997. — 335 с.
- 21 Козлова И.Е. Специфика явления мотивации слов в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 — «Русский язык» / Инна Евгеньевна Козлова. — Томск, 1999. — 225 с.

А.Д. Жакупова, Ж.Т. Балмагамбетова

Уәждемелік рефлексия — салыстырмалы мотивологияның объектісі

Мақала салыстырмалы уәждеменің объектісі ретінде уәждемелік рефлексияның лингвоментальдық құбылысын, яғни әр түрлі тілде сөйлейтіндердің метатілдік санасының көрсеткіштерінің деректері негізінде сөз уәждемесінің лексикалық құбылысын зерттейтін ғылымды зерттеуге арналған. Уәждемелік рефлексия «ақыл-ой операциясының» бір түрі ретінде қарастырылады, ол адам санасының тақырып туралы тұтас түсінік қалыптастыру үшін сөздің дыбысы мен мағынасының байланысын түсіну қабілетін жүзеге асырады. Сонымен бірге мақалада мәселенің қысқаша тарихы айтылған, осы құбылыс туралы авторлық түсінік берілген, зерттеу әдістері сипатталған. Зерттеу нәтижелері ретінде мотивацияның көптігін (полимотивация) білдіретін түсіну стратегиялары аспектісінде түркі және славян тілдерінде сөйлеушілердің мотивациялық рефлексиясының салыстырмалы-мотивологиялық талдауының фрагменті ұсынылған. Өртүрлі құрылымдық тілдердің тасымалдаушыларының өсімдіктер мен құстардың атауларын түсіну стратегиясының ортақтығы мен өзгешелігі нақатыланған, олардың уәждемелік рефлексиясының ерекшеліктері анықталды. Зерттеу негізінде авторлар уәждемелік рефлексия адамның метатілдік ойлауының әмбебап қасиеті деп тұжырымдайды, бұл дыбысталу менмен арасындағы байланысты оның санасына түсіндіруге бағыттайды, яғни, салыстырмалы мотивологияның объектісі ретінде қарастырған жөн.

Кілт сөздер: уәждемелік рефлексия, метатілдік сана, салыстырмалы уәждеме, психоллингвистикалық эксперимент, полимотивация, түркі және славян тілдері.

A.D. Zhakupova, J.T. Balmagambetova

Motivational language awareness is an object of comparative motivology

The article is devoted to the study of the linguo-mental phenomenon of motivational language awareness as an object of comparative motivology, the science that studies the lexical phenomenon of word motivation based on the data of meta-linguistic consciousness of speakers of different languages. Motivational language awareness is regarded as a type of «mental operation» actualizing the ability of human consciousness to comprehend the connection between the sound form and meaning of a word to create a holistic view of the subject. The article rests on a brief history of the issue, presents the authors' understanding of this phenomenon, and describes the research methods. As a result, the article provides a fragment of comparative-motivological

analysis of the motivational language awareness of speakers of Turkic and Slavic languages from the perspective of comprehension strategies, explicating multiplicity of motivation (polymotivation). There are identified common and specific strategies of comprehension of the names of plants and birds by speakers of different languages, and peculiarities of their motivational language awareness are determined. Based on the study, the authors conclude that motivational language awareness is a universal property of human meta-linguistic thinking, which determines the orientation of human consciousness towards understandability of the connection between the sound form and meaning of a word, which is expedient to be considered as an object of comparative motivology.

Keywords: motivational language awareness, metalanguage consciousness, comparative motivology, psycholinguistic experiment, polymotivation, Turkic and Slavic languages.

References

- 1 Leontiev, A.N. (1981). Problemy razvitiia psikhiki [Problems of the development of the psyche]. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta [in Russian].
- 2 Zalevskaya, A.A. (1998). Znachenie slova i vozmozhnosti ego opisaniia [The meaning of the word and the possibilities of its description]. *Yazykovoie soznanie: formirovanie i funktsionirovanie – Linguistic consciousness: formation and functioning*. Moscow [in Russian].
- 3 Eiger, G.V. (1990). Mekhanizmy kontroliia yazykovoii pravilnosti vyskazyvaniia [Mechanisms for controlling the linguistic correctness of an utterance]. Kharkiv [in Russian].
- 4 Fesenko, T.A. (1999). Etnomentalnyi mir cheloveka: opyt kontseptualnogo modelirovaniia [The ethno-mental world of man: the experience of conceptual modeling]. *Extended abstract of Doctor's thesis*. Moscow [in Russian].
- 5 Leontiev, A.N. (1975). Deiatelnost. Soznanie. Lichnost [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow [in Russian].
- 6 Labov, U. (1975). Issledovanie yazyka v ego sotsialnom kontekste [The study of language in its social context]. *Novoe v lingvistike. Sotsiolingvistika – New in linguistics. Sociolinguistics*, 7, 155–156. Moscow [in Russian].
- 7 Bright, U. (1975). Parametry sotsiolingvistiki [Vvedenie] [Sociolinguistics Options [Introduction]]. *Novoe v lingvistike – New in linguistics*. Vol. 7. Sociolingvistika – Sociolinguistics, 145–154. Moscow [in Russian].
- 8 Nikitina, S.E. (1989). Yazykovoie soznanie i samosoznanie lichnosti v narodnoi kulture [Linguistic consciousness and self-consciousness of the individual in folk culture]. *Yazyk i lichnost – Language and personality*. Moscow: Nauka [in Russian].
- 9 Kirpikova, L.V. (1972). Ispolzovanie faktov yazykovoii kompetentnosti nositelei govora v leksikologicheskom issledovanii [Using the facts of linguistic competence of native speakers in lexicological research]. Reports and messages from Lexicological and grammatical problems of Siberian dialectology: *Mezhvuzovskii seminar – Interuniversity seminar*. Barnaul [in Russian].
- 10 Shvartskopf, B.S. (1971). Otsenki govoriashchimi faktov rechi [Speakers' assessments of the facts of speech]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Moscow [in Russian].
- 11 Vepreva, I.T. (2005). Yazykovaia refleksiiia v postsovetskuiu epokhu [Language reflection in the post-Soviet era]. Moscow: OLMA-PRESS [in Russian].
- 12 Gasparov, B.M. (1996). Yazyk, pamiat, obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniia [Language, memory, image. Linguistics of linguistic existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [in Russian].
- 13 Riabtseva, N.K. (1994). Kommunikativnyi modus i metarech [Communicative mode and metaspeech]. *Logicheskii analiz yazyka: Yazyk rechevykh deistvii – Logical analysis of language: The language of speech actions*. Moscow [in Russian].
- 14 Rostova, A.N. (2000). Metatekst kak forma eksplikatsii metaiazykovogo soznaniia (na materiale govorov Sibiri) [Metatext as a form of explication of metalanguage consciousness (based on the material of Siberian Dialects)]. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta [in Russian].
- 15 Blinova, O.I. (2007). Motivologiya i ee aspekty [Motivology and its aspects]. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo universiteta [in Russian].
- 16 Gridina, T.A. (2002). Motivatsionnaia refleksiiia kak vid metaiazykovoi deiatelnosti rebenka [Motivational reflection as a type of metalanguage activity of a child]. Institut lingvisticheskikh issledovaniia RAN — Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg. Retrieved from <http://www.iling.spb.ru/grammatikon/child/grid.html?language=en> [in Russian].
- 17 Yurina, E.A., & Zhakupova, A.D. (2020). Razvitie idei O.I. Blinovoi v lingvisticheskikh kontseptsiiakh obraznogo stroia yazyka i sopostavitelnoi motivologii [Development of O.I. Blinova's ideas in linguistic concepts of the figurative structure of language and comparative motivology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tomsk State University*, (68), 170–193 [in Russian].
- 18 Suleimenova, E.D. (1996). Kazakhskii i russkii yazyki: osnovy kontrastivnoi lingvistiki [Kazakh and Russian languages: fundamentals of contrastive linguistics]. Almaty: Demeu [in Kazakh].
- 19 Yusupov, U.K. (1988). Sopostavitelnaia lingvistika kak samostoiatelnaia distsiplina [Comparative linguistics as an independent discipline]. *Metody sopostavitelnogo izucheniia yazykov – Methods of comparative language learning*. Moscow [in Russian].
- 20 Katyshev, P.A. (1997). Polimotivatsiia kak kontseptualnaia deiatelnost [Polymotivation as a conceptual activity]. *Candidate's thesis*. Kemerovo [in Russian].
- 21 Kozlova, I.E. (1999). Spetsifika yavleniia motivatsii slov v russkom yazyke [The specifics of the phenomenon of motivation of words in the Russian language]. *Candidate's thesis*. Tomsk [in Russian].